

РИЧАРД
ЛАМБЕРТ

Город
тёней

Πανε

*Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать
себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои
дурные сны!*

*«Гамлет», Уильям Шекспир
(перевод Б. Пастернака)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕНЬ	11
1. ДУРНЫЕ СНЫ.....	21
2. НА ПЛЯЖЕ МАРГИТА	41
3. ЭНДЖЕЛ-ЛЕЙН.....	55
4. СЕЗОН ПОЖАРОВ.....	73
5. ВИДЖЕН	83
6. ПАСТУШИЙ ДОМИК.....	103
ТЕНЬ	120
7. МОРЕ	123
ТЕНЬ	137
8. ДЖИНКИ.....	141
9. У ГОРОДСКИХ ВОРОТ.....	153
10. ЧЕРЕЗ ГОРОД	165
11. БЮРО РАЗБИТЫХ МЕЧТАНИЙ	183
12. ВОРОНИЙ ДВОР.....	197
13. ПОБЕГ ИЗ ВОРОНЬЕГО ДВОРА	223
14. ГРОБ	237

15. Подсобка.....	251
16. Игра в карты.....	259
17. Центральный зал	275
18. Гаспер	287
19. Школа Мечтателей.....	303
20. Фадранга.....	309
21. Ключ.....	325
22. Его же оружием.....	335
23. Пир королевы Эдвиги	343
24. Король Сигоберт	363
25. Арнольд-стрит.....	375
26. Разбитый замок	387

ТЕНЬ

Ветер принёс со стороны моря монотонный дождь, который уныло молотил по черепичным крышам и оконным стёклам. Вода сбегала по водостокам. Где-то в дебрях спящего города выла собака, просясь в дом. Тень остановилась и прислушалась. В отличие от собаки, она не желала, чтобы её впустили, не желала найти сухое место, не желала спать. Но город спал или притворялся спящим — и правильно делал. Потому что тень была полна ненависти.

Тень напоминала по форме человеческое существо. Она остановилась, услышав новый шум — рокот. Наверху, в одном из домов, кто-то храпел. Тень легко поднялась в воздух. Она плыла вдоль домов, заглядывая во все окна, которые не были закрыты ставнями или занавесками. Тёмная комната за тёмной комнатой, и наконец — вот он. Храпун.

На огромной постели с белыми простынями лежал на спине крупный мужчина. Его грудь

раздувалась с каждым вдохом, а от его храпа тряслись в рамках стёкла. Выдох, грудь опала. Мгновение тишины. Затем его грудь снова раздулась, его храп снова сотряс стёкла. Около петли оконной рамы была щель, через которую в дом проникал сквозняк, и через неё же проникла тень. Веки мужчины дрогнули. На каминной полке безжизненно блеснула латунь. Тень приблизилась, склонилась, а когда мужчина снова втянул воздух, истончилась до толщины нити и влетела в ноздрю. Человек резко выдохнул носом, как если бы туда попала мошка, и перевернулся на бок.

Ему снилось детство. Когда он был маленьким, по пятницам, после школы, возвращаясь домой, он слышал, как пахло претцелями — только что испечёнными, посыпанными сахаром. От этого запаха у него текли слюнки. Мать клала тёплые претцели на стол. Он радостно болтал ногами, поднимал претцель, вдыхал восхитительный запах, кусал. Это были вкуснейшие претцели, которые ему доводилось пробовать. Но потом в этом сне в один миг сладкая выпечка стала горькой, свежий хлеб покрылся плесенью, а его мать заплакала. Человек почувствовал присутствие чего-то злого, что ненавидело и его, и его мать — он будто бы свалился в чан, полный этой ненависти. Он рывком сел в постели, полностью проснувшись. Он знал, что внутри него поселилось что-то злое. Он выпрыгнул из кровати, но это чувство никуда не делось. Тогда он начал бегать

по комнате, будто стараясь убежать от этой злобы.

Тень покинула его тело. Она просочилась под дверью через коридор, в комнату, где пахло горьким дыханием, где спала старая женщина. Тень легла на неё. Вошла в сон старухи с такой ненавистью, что когда та проснулась на утро, то чувствовала себя так, будто бы её тело стало тяжелее мешка компоста. Плохое настроение преследовало её три дня. Но тень покинула её много раньше. Она оставила старуху и спустилась на кухню, где кухарка смотрела радостный сон, в котором она летала, как ангел. Летала до тех пор, пока тень не создала в этом сне утёс, о который кухарка разбилась с влажным шлепком. Она проснулась в ужасе, в полной уверенности, что каждая косточка в её теле была сломана, и зарыдала. Тень покинула дом через замочную скважину.

Если бы она могла, она бы с проклятиями хлопнула дверью.

Тень продолжила свой путь по городу. Она не ощущала ни пришедшего с моря дождя, ни холода. В сараях за рыночной площадью занервничали животные. Дождь молотил по жестяной крыше. Животные чуяли тень. Свины ворчали, коровы толкали друг друга. Тень пролетела над ними. Свины визжали. Тень развернулась, раздулась. Казалось, она заняла всё пространство в этом сарае. Свины завизжали громче, коровы замычали. Животные изо всех сил

бились об оцинкованные прутья загонов. Но тень не вошла ни в одно животное. Она пронеслась через сарай и полетела к гавани.

Там она заползла наверх по скалам, на которых стоял замок, и села около лужи, оставшейся после отлива. Возле скал стояла цапля и высматривала рыбу. Она была абсолютно неподвижна. Она то ли не заметила тень, то ли не обратила на нее внимания. Ничего не двигалось, кроме кругов, разбегавшихся по воде от каждой капли дождя, и волн, бьющихся о камни. Тень как будто закинула ногу на ногу. Она ждала. Чего же? Высматривала еду, как цапля? Возможно. Возможно, она и сама не знала, чего именно. Возможно, она поняла бы, чего хочет, только увидев это.

Ветер продолжал гнать со стороны моря тяжёлые дождевые тучи. Тень повернулась и осмотрела город: от вершины длинного холма, крутой склон которого был усеян частными и многоквартирными домами, к его подножию, где стояли общественные здания и склады, через реку, к другому холму, и до замка, который возвышался над гаванью. Нигде не горело ни одного огонька. Ни одно окно, ни один фонарь. Нигде.

Только наверху. Прямо над тенью, высоко в замке сиял, будто подначивая, свет.

Этот свет пробудил в тени какое-то чувство, сделал её плотнее, почти что осязаемой. Испуганная цапля взлетела. Тень рванулась вверх, как фейерверк, очень мрачный фейерверк.

За окном, по которому стекали капли дождя, за столом, в свете камина и настольной лампы, в комнате настолько тесной, что она напоминала скорее каюту корабля, сидел спиной к окну высокий сухопарый черноволосый человек. Он копался в бумагах. Тень сглотнула, и по ней разлилась ещё более тёмная тьма, как будто она выпила целую чернильницу чернил из самой глубокой чернильной шахты (если бы чернила добывались в шахте), из глубочайшего океана пречёрных чернил, которыми пишут чернейшие письма, полные ненависти. Тень бросилась на окно. Она даже не попыталась найти щель.

Стекло разлетелось. Оконный переплёт — тоже. Тень ворвалась в комнату, неся с собой холодный дождь, заставляя огонь в очаге рычать и дёргаться от страха. Тень остановилась у двери. Она повернулась и раздулась, как воздушный шар. Но вместо воздуха её наполняла чернейшая жажда мести. Человек будто бы замер от ужаса. Свет камина отражался в его глазах. Тень начала уменьшаться. Она словно становилась плотнее, пока вся её ненависть, вся жажда мести не оказались сконцентрированы в чём-то размером с наконечник стрелы, нацеленной прямо в сердце. И в тот момент, когда она уже собралась рвануться вперёд, что-то в этом человеке её остановило. Его глаза блеснули. Тень не могла в это поверить. Но его глаза блеснули, а в уголках жестокого рта заиграла

улыбка. Тень замерла, внезапно догадавшись: это ловушка.

Дверь резко распахнулась, и в неё ворвались огни. Взмыла в воздух сеть из чистого света, и, опустившись, обожгла тень страшной болью. Если бы тень могла кричать, она бы закричала. Кто-то управлял лучами, причинявшими ей страдания: сеть затягивалась всё туже. А вокруг шумели люди, выкрикивая приказы, и их ботинки гремели по полу тесной каморки. Тень металась. Она кинулась вверх, люди потянули сеть вниз. На мгновение они застыли, не в силах одолеть друг друга. Но когда один человек потерял равновесие, тень освободилась. Она с невероятной силой дёрнулась ввысь. Чья-то голова столкнулась с потолком и издала звук, который издаёт шар для боулинга, сшибающий кеглю. Ещё один человек отлетел в стену. Он застонал и осел на пол, как мешок с камнями.

Тень рванулась в окно.

— Взять её!

Тень летела прочь. Она оглянулась и увидела, как слетели с крыши замка и помчались за ней огни. Несколько летучих силуэтов быстро приближались. Каждый нёс сеть обжигающего света.

Тень посмотрела вперёд и, глубоко вздохнув, словно превратилась в комету с плотной головой, в которой сосредоточилось всё её существо, и туманным хвостом. Комета рванулась через ночное небо.

Пролетев несколько миль, тень оглянулась, преследователи ещё летели за ней. Но уже отставали. И каждый раз, когда тень оборачивалась, они были всё дальше. Кроме одного, который никак не сдавался. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, но этот последний с сетью света продолжал погоню. Наконец, тень устала. Она убегала уже полчаса и начала терять скорость, а преследователь, который спокойно летел за ней, стал приближаться. К тому времени, как тень достигла гор и леса на их склонах, преследователь уже неумолимо настигал её, как волк, загоняющий раненого оленя.

Тень нырнула в лес.

Она плыла по лесу медленно, мотаясь из стороны в сторону от усталости. Но каждый раз, как она оглядывалась, силуэт с сетью был там. Настигал. Они двигались между деревьев. Тень совершила ещё рывок, петляя между стволами, и когда оглянулась, силуэта не увидела. Тень сбросила скорость, поплыла над папоротником. Лес молчал. Тень была в безопасности. Внезапно воздух засвистел, и преследователь — светловолосый подросток — спикировал, словно ястреб, раскрывая сеть света. Тень бросилась в заросли папоротника. Она думала, что упадёт на влажную землю, она уже чувствовала запах: мокрая кора, сосновые иголки, почва. Но земли она не коснулась.

Она провалилась насквозь.

Там была дыра.

* * *

Тень провалилась в другой мир. Она поняла это по тому, что воздух оказался тёплым и грязным, а не холодным и чистым, как в горах. К тому же тень была не под землёй: она падала вверх — а это невозможно. Она падала вверх, в небо. Когда она замедлилась и зависла на одном месте, то уже находилась высоко над этим другим миром. Над таким огромным городом, каких тень никогда не видела. Она даже не знала, что может быть так много света. Нити света сливались в обширную, необъятную паутину. На ярко подсвеченных прямоугольных газонах люди бегали за мячом. К небу тянулись огромные стеклянные башни, которые были выше любой башни замка в родном городе тени. Вдалеке змеилась река, которую пересекали ярко освещённые мосты, а на её берегу — огромное колесо света, которое было таким же высоким, как замок в городе тени, и на этом колесе в стеклянных пузырях были развешаны люди¹. По небу прокатился грохот землетрясения. Тень обернулась. К ней приближалась стальная птица размером с корабль². Тень отшатнулась в последний момент,

---

¹ Речь идёт о гигантском колесе обозрения *London Eye* (Лондонский глаз), расположенном в районе Ламбет на южном берегу Темзы (прим. ред.)

² При заходе на посадку в Международном аэропорту Хитроу самолёты снижаются прямо над городом по широкой спирали (прим. ред.)

и птица-корабль-летучее землетрясение проплыла мимо. Через окна в её боках тень видела огромное количество людей. Птица пролетела, оставив после себя шлейф газов, которые пахли хуже кишечных. Тень выкашляла несколько маленьких теней и вздрогнула от отвращения.

Она полетела прочь, уворачиваясь от других летающих машин. Не увидев своего преследователя — светловолосого парня с сетью жгучего света, — она стала снижаться.

Тень искала безлюдное место, где могла бы отдохнуть и восстановиться, но этот город был бесконечен. Тень окончательно выбилась из сил и отдалась на волю тёплого ветра, который нёс её, как течение реки несёт упавший в воду лист. Она плыла по улице, на которой стояли небольшие дома. Уличные фонари горели, но в окнах домов было темно, они были закрыты шторами. Все, кроме одного. И тень не обратила бы на это открытое освещённое окно внимания, если бы не услышала оттуда мальчишеский голос, который произнёс знакомое слово: «Бальтазар». И тень нырнула в садик, где умещались лишь несколько кустов и небольшой газончик, и решила отдохнуть. Она легла под одним из кустов прямо на землю — в этом мире стояло лето — и заснула.

1

ДУРНЫЕ СНЫ

Тоби очнулся от дурного сна. Он не мог его вспомнить, но подумал, что, может быть, это родители поругались ночью, и их спор вошёл в его сон. Если ночью они и поссорились, то утром вели себя тихо. Тоби слышал только далёкое шуршание машин в час пик. Он выбрался из кровати и рывком откинул занавески, чтобы прогнать остатки своего сна. Комнату залило тёплым светом.

Тоби она нравилась. Он знал, что здесь точно живёт мальчишка, а не взрослый человек, хотя некоторые одноклассники посмеялись бы, увидев они кораблики на занавесках и на постельном белье. Но никто из них сюда не придёт, это уж точно. На книжной полке жила модель яхты, белая

с синей отделкой. Тоби раньше иногда пускал её плавать по пруду для лодок на другом конце города, но потом папа перестал его туда возить. Рядом с яхтой стояла копилка в виде пожарной машины. Пол был усеян кусочками пластикового конструктора, не из набора про супергероев или научную фантастику, а из менее популярного: Тоби строил акведук. Он шёл от уже построенного замка к книжным шкафам, где хранились коробки с его старыми игрушками и настольные игры, а над ними — книги. Никаких компьютерных игр: они Тоби не интересовали. У большинства книг были сломаны или оторваны корешки — так часто он их перечитывал. Про машины, самолёты, корабли, двигатели и инструкции «сделай сам». Ещё там были книги новые, в блестящих нетронутых переплётах: фэнтезийные романы, которые папа упорно дарил, а Тоби упорно не читал, потому что не понимал, что в них такого. «Лев, Колдунья и платяной шкаф» Льюиса — единственная, которую он одолел.

Тоби сел за стол, где было расчищено место для модели самолёта, с которой он возился до поздней ночи. Он впервые пробовал построить самолёт. Набор он купил потому, что папа предложил ему. Это был один из первых бипланов, Бристоль Бокскит, нетрудно догадаться, как он получил своё имя: самолёт выглядел как воздушный змей в форме коробки, под которой болталось два колеса. На хвосте у него была

коробка поменьше. Тоби потрогал сочленение. Клей высох. Изображая шум пропеллера, Тоби направил самолёт к лестничной клетке, заставив висевшие на мобиле картонные планеты крутиться по своим орбитам. Он локтем распахнул дверь так резко, что кожаный пояс с инструментами, висевший на внутренней стороне, качнулся и стукнул по ней. Тоби направил биплан к лестнице.

Через окна между этажами был виден сад. Листья букового дерева в его дальнем конце уже начали желтеть, семена опадали на газон. На верхнем этаже была спальня родителей и папин кабинет. Внизу — обеденная комната, а ещё ниже, в подвале — кухня. Этот высокий, узкий дом стоял на склоне, поэтому задняя его сторона была ниже передней, и кухня выходила в сад. От этого он, как казалось Тоби, напоминает нору, тесную и уютную. Когда-то дом принадлежал бабушке и дедушке, которых сам Тоби помнил довольно смутно. Причём не лица, а ощущения: аромат сигаретного дыма, который исходил от дедушки, и мягкую бабушкину кожу.

— Пап, смотри! — Тоби посадил Бокскит на кухонный стол. — Я доделал его ночью.

Папа стучал по клавишам ноутбука. Волосы его были растрёпаны, один угол воротника рубашки прятался под джемпером, а второй торчал вверх.

— Что это, милый? — спросила мама. Она делала сэндвичи.

— Бристоль Бокскит, — сообщил Тоби. Изобразив рёв двигателя, он разогнал самолёт по посадочной полосе и поднял в воздух.

— Уйди, Тоби, — пробормотал папа.

Двигатель Бокскита заглох, самолёт мягко опустился, заскрипели тормоза.

— Ты доделал его ночью? — переспросила мама, укладывая сэндвичи в ланчбоксы.

Тоби что-то проворчал.

— Я думаю, что это здорово.

— Мне не важно, что ты думаешь, я хочу, чтобы понравилось папе!

Мама уязвлённо нахмурилась. Тоби было неприятно, но он не понимал, почему. Он подошёл к маме, всё ещё чувствуя тёмную тень плохого сна, похожую на дым, но не зная, что с этим делать. Мама начала наполнять бутылки.

— Мне не нужно две, — тихо сказал Тоби.

— Одна моя.

— А ты не пойдёшь на работу?

— После работы она идёт на этот дурацкий протест, — папа откинулся на стуле и скрестил руки.

Мама состояла в группе экоактивистов: она ходила на марши, выступала против вырубки леса, загрязнения окружающей среды, микропластика в море, поддерживала акции в защиту вымирающих видов животных и растений. Она говорила, что даже мысли об этих проблемах делают ей физически больно.

— Он не дурацкий, Дэвид, — сказала мама обиженно. — Он важный.

— Лучше бы ты потратила эти силы на свою диссертацию.

Мама стояла почти неподвижно.

— Пап, смотри! — Тоби воспользовался общим молчанием, чтобы с жужжанием заложить перед папой вираж на биплане.

— Не сейчас, Тоби!

— У меня получилось так же хорошо, как у тебя? — Тоби не отступал. — Пап? Пап?

— М-м-м? — папа теребил губу, перечитывая написанное.

— Ты сказал, что в моём возрасте строил модели самолётов. Ты сказал, мне нужно попробовать.

Папа поднял глаза.

— Нет, я так не говорил.

— Говорил! — настаивал Тоби. — Ты сказал: «Построй модель самолёта или что-нибудь такое. Мы это делали в твоём возрасте, когда было нечем заняться». Вот точно так и сказал.

Папа несколько секунд смотрел на Тоби. А потом, таким тоном, как будто ему в самом деле был интересен ответ, спросил:

— Ты нарочно ведёшь себя глупо, Тоби? — «глупо» он выделил.

— Дэвид! — воскликнула мама.

Тоби покраснел. Теперь он ненавидел свой биплан с его нахальным пластиковым пилотом в дурацких очках.

Ванная выходила на кухню и тоже была ниже уровня земли. Её дверь открылась, оттуда выплыла крупная женщина средних лет в пышном белом кимоно, расшитом цветами, с тюрбаном из полотенца на голове. Она величественно прошла через кухню, кивнула маме Тоби, самому Тоби и, наконец, гораздо более резко — его папе.

— Доброе утро, миссис Пападопулос, — сказал Тоби.

— Доброе, Теодора, — сказала мама.

— Миссис Пи, — сказал папа квартирантке, которая уже поднималась по лестнице.

Тоби подавил смехок. Миссис Пападопулос бросила сердитый взгляд на папу.

— Дэвид, — прошипела мама, когда миссис Пападопулос ушла. — Пожалуйста, перестань её так звать!

— Это звучит грубо! — засмеялся Тоби.

— Именно, Тобс, — подмигнул папа.

Тоби снова был счастлив.

— Ладно, мне надо работать, — папа захлопнул ноутбук и поднялся со стула.

— Тогда увидимся, когда я вернусь из школы, пап?

— Нет. Днём я буду в министерстве.

— Но у меня протест, — сказала мама. — Кто-то должен быть дома, когда вернётся Тоби.

— Он достаточно взрослый, чтобы о себе позаботиться. Так ведь, Тобс?

— Может, я могу пойти с тобой в министерство?

— Нет, — папа подошёл к лестнице. — К тому же миссис Пи будет дома.

— Не зови её так, — напомнила мама. — И вообще, речь не об этом. Тебе нужно побыть с сыном.

— Не попадись полиции, Хелен, — сказал папа, скрываясь из вида.

Повисла тишина. Мама смотрела сквозь стеклянные двери на сад, сжимая в руках ланчбокс. Там не было ничего, кроме большого бука. Тоби чувствовал, что дурной сон всё ещё не ушёл.

— Ты ведь не попадёшься полиции, правда, мам?

— М-м-м? — Мама отвернулась от дверей. — Нет, Тоби, не попадусь.

— Ох! Папа не допил свой кофе. Я сделаю ему **НОВЫЙ**.

— Ты опоздаешь в школу.

— Не. Времени полно.

* * *

Отнести кофе наверх оказалось сложнее, чем Тоби думал. Он наполнил чашку до краёв, и теперь ему предстояло преодолеть три пролёта и несколько поворотов. На стене лестницы мелькал свет, играющий с листьями бука. Одно было хорошо: солнце прогнало дурной сон. Тоби донёс чашку до двери папиного кабинета, не разлив

ни капли, но его ждала самая сложная часть: надо было поставить чашку на стол. Тоби пролил немного, и по разложенным бумагам расплозлось кофейное пятно.

— О, да ради всего!.. — воскликнул папа. — Тоби!

— Прости, пап.

— Ты нарочно ведёшь себя глупо? Зачем ты налил до краёв?

— Я хотел...

— Выйди!

Тоби смотрел, как коричневая жидкость впитывается в бумагу.

— Это твой роман, да, пап?

Папа искал, чем вытереть пролитое.

Он писал едкие, иногда откровенно злые тексты, которые продавал телевидению и радиостанциям, саркастичные статьи для газет, а недавно стал ещё и спичрайтером в министерстве. Тоби нравилось всем рассказывать, что его папа работает на правительство, и нравилось ездить с папой в министерство. Мальчик замечал, что остальные работники любили его папу, звали его «мистер Портер», говорили, какой он замечательный. Но папу больше всего интересовал его роман, которому он посвящал всё своё свободное время: по утрам, вечерам, в выходные. Он даже перестал возить Тоби на лодочный пруд, как раньше. Или хотя бы куда-нибудь. Сколько Тоби себя помнил, папа всегда работал над романом.

Мама говорила, что начал он задолго до рождения Тоби. Написанное уже занимало целую полку, и каждый день туда добавлялось ещё несколько страниц. Тоби думал, что из этого получится самая длинная книга в истории. Среди обычных белых листов, по большей части исписанных от руки, встречались разноцветные страницы, Кое-какие были смяты и выкинуты в мусорную корзину, но потом вынуты оттуда и помещены к остальным. Папа мог писать даже на старых конвертах и, как Тоби однажды заметил со странной смесью раздражения и гордости, в одной из его старых тетрадок. Действие романа происходило в мире, который назывался Бальтазар. Полностью выдуманная история, но папа никак не мог подвести роман к сказочному финалу. Судя по всему, вообще хоть к какому-нибудь финалу.

Глядя на расплывающиеся по бумаге кофейные пятна, Тоби почувствовал тяжесть в груди. Он уничтожил работу папиной жизни.

- Это же не «Королевство над морем», да, пап?
- Ты ещё тут?

* * *

На самом деле, Тоби принёс отцу кофе, не только чтобы его порадовать. Тоби ненавидел школу, поэтому изо всех сил медлил и старался собираться как можно дольше. Дело было не в уроках, которые ему иногда нравились,

но по большей части вообще не волновали его, и не в учителях, которые ему по большей части нравились, но иногда оставляли равнодушным. Дело было в одноклассниках. Они яростно ненавидели Тоби.

Когда он вышел из дома, тяжесть от дурного сна вернулась. Он физически ощущал её на своих плечах. Казалось, сон ползёт за ним по Арнольд-стрит, как свинцовая туча. Что-то точно взбежало по его шее, проползло по голове и оставило чувство, будто за ним наблюдают. Убеждённость в этом была настолько сильной, что Тоби даже обернулся, но увидел лишь обычные утренние тени деревьев.

Чем ближе он подходил к школе, тем медленнее шёл и тем чаще останавливался, чтобы разглядеть что-нибудь, что привлекало его внимание. У входа в парк он задержался, чтобы посмотреть на дорожные работы. Красно-белые загородки окружали канаву. Рядом стоял знак с требовательной надписью: «ВЫБИРАЙТЕ ПУТИ ОБХОДА». Тоби заглянул в канаву.

Она оказалась глубокой. Внутри ни труб, ни кабелей, а рабочий всего один, с седыми волосами и серебристой щетиной. Он смотрел в никуда, в уголке его рта торчала самокрутка. Мальчика он заметил не сразу.

- Всё нормально, шеф?
- Глубоко тут, — сказал Тоби. — Что вы делаете?
- Чиним.

— Что чините?

— Да ерунда. Ты не опоздаешь в школу?

Тоби глубоко вдохнул, громко выдохнул и пошёл дальше, пиная мелкие камешки и раздражая идущих навстречу людей, которые старались увернуться от них.

В школе, как всегда, всё было плохо. Точно тот дурной сон, который он видел ночью и никак не мог вспомнить, сколько ни пытался, следом за ним проник в здание. Он опоздал на переключку и получил предупреждение, что в следующий раз школа сообщит об опоздании родителям. На первом уроке одноклассник неправильно ответил на простой вопрос. Тоби, увидев возможность для отличной шутки, спросил: «Ты специально ведёшь себя глупо?» В ответ несколько человек попросили его заткнуться. После перемены, пока они ждали учителя, Тоби рассказывал сидящим рядом, что днём у его папы встреча с министром в правительстве. Никому это не было интересно. Тогда Тоби добавил, что его папа дружит с премьер-министром (что было совсем не так). Тоби всё время говорил про своего папу. После урока, когда они выходили из класса, один крупный мальчик стукнул Тоби по руке.

— Эй, ты чего? — возмутился Тоби.

— А ты помолчал бы...

Поток одноклассников унёс Тоби прочь, и он не услышал последнего слова, но угадал его.

После перемены им раздали проверенную

домашку по естествознанию. Тоби понравилось её делать, и он был уверен, что получит хорошую оценку. Но тетрадь вся пестрила жирными красными крестами. Плечи мальчика поникли. Урок начался, а он всё ещё читал пометки: оказывается, он неправильно понял задание. Учитель задал вопрос, но Тоби был занят своей тетрадью и не имел ни малейшего понятия, как отвечать.

— Соберитесь, мистер Портер! Соберитесь!

Последним уроком перед обедом шёл английский. Учительница была в плохом настроении (может быть, её тоже преследовал дурной сон). Одноклассники это заметили и нарочно пытались её разозлить.

— Ещё кто-нибудь скажет хоть слово, и я задержу вас на пять минут. Вы попадёте в конец очереди в столовой, и вам достанутся только корки от пиццы. Твёрдые, как вулканический камень, — сказала учительница с мстительной улыбкой.

Наступила тишина. Но Тоби снова увидел возможность поднять свою популярность отличной шуткой:

— Не страшно, мисс: еда здесь ужасная, в какое время ни приходи. Так что давайте. Мама сделала мне обед с собой.

— Ну всё! Остаётесь после звонка!

Весь класс застонал. После урока Тоби притворился, что не чувствует ненависти, направленной на него со всех сторон, как лазерные лучи.

Он мечтал о друге. Но как бы ни пытался

с кем-то подружиться, что-то всё время шло не так. Поэтому во время обеденного перерыва он просто ходил по площадке и улыбался, как будто ему и так было хорошо. Всё время ныла и чесалась шея, ощущение, будто кто-то за ним следит, не отпускало. Тоби даже однажды обернулся, но никого не увидел. Точнее, увидел только одноклассницу, которая улыбнулась ему. Странно, но наверняка никакой опасности, ведь эта девочка с прямой чёлкой не из той компании, что вечно его задирали, он улыбнулся в ответ. Девочка покраснела и заулыбалась шире. Тоби обрадовался, его мысли затуманились. С ним такое раньше бывало: он чувствовал по отношению к некоторым людям что-то такое, будто облако или глубокое море, но он не знал, что сказать, чтобы слова передали это чувство. А когда он пытался, обычно получалось что-то совсем не то. Так и в этот раз. Он подошёл к девочке и выпалил:

— Эй, что это у тебя с волосами?

С её лица сбежала улыбка, на глазах выступили слёзы. Девочка ушла.

Вот так пролетел день.

* * *

— Здравствуйте, миссис Пи, — крикнул Тоби, но потом вспомнил, что ей не нравится, когда её так зовут, и поправился на ходу, так что получилось что-то вроде «Пи-аподопулос».

У него всегда были сложности с именем их квартирантки. Когда она появилась здесь впервые много лет назад, он был ещё маленький, и ему показалось, что эту даму зовут Гиппопотамус. Тоби понадобилось несколько месяцев, чтобы он осознал свою ошибку.

Миссис Пападопулос была оперной певицей. У неё был домик в Греции, но она сохраняла за собой комнату на Арнольд-стрит несмотря на то, что часто уезжала на гастроли по другим странам. Она говорила, что Лондон для работы — лучшее место, здесь для неё открыт целый мир. Тоби нравилась миссис Пападопулос и нравилось слушать, как она поёт. Но в тот день из её комнаты под крышей не доносилось ни звука. Тоби прошёл к себе и снова увидел Бристольский Боксит. Дурацкая была идея собрать эту модель. Пилот всё ещё чему-то радовался. Он нагнулся над своими рычагами так, будто собирался отправиться в великое путешествие. Тоби надавил на край крыла пальцем. Биплан накренился, одно колесо оторвалось от стола. Тоби надавил сильнее. Что-то щёлкнуло, стяжки порвались, и верхняя плоскость обвисла, как крыло раненой птицы.

— Как бессмысленно, — сказал кто-то.

Тоби обернулся. В дверях стояла миссис Пападопулос со стаканом воды в руке.

Тоби захлестнули такие бурные чувства, что он разрыдался. Миссис Пападопулос вошла,

и Тоби опустил голову, чтобы скрыть слёзы. Она пахла ландышами. Он почувствовал, как её пальцы вплетаются в его волосы, а потом ладонь ложится на макушку.

— Сдаётся мне, быть юношей — тяжкий труд, — сказала миссис Пападопулос. — Почему бы тебе не попить чего-нибудь горячего? С печеньем? Альфред как раз на кухне.

— На кухне?

— Не расстраивайся из-за самолёта. Ты его починишь. У тебя хорошо получается чинить.

Тоби кивнул, не смея поднять голову: он боялся снова расплакаться.

Спускаясь на кухню, он подумал, что миссис Пападопулос права. У него и правда хорошо получается чинить. Как-то раз он попробовал вставить назад стекло, которое выпало из окна в её комнате. У него не получилось, и маме пришлось вызвать рабочего: сама она была слишком неуклюжей, чтобы вставлять стёкла, а папа боялся высоты и не хотел высовываться в окно. Тоби внимательно следил за тем, что делает рабочий. А тот показал мальчику, как разминать в руках замазку, как укладывать её по краю стекла. И они вставили стекло вместе.

На кухне Тоби уселся на ступеньке рядом с Альфредом. У того было круглое лицо и болезненные жёлтые глаза. На переносице залегла морщина, которая придавала ему такой вид, будто бы он всё время размышлял о чём-то важном. Под

глазами у него повисли мешки, точно он занимался этим до раннего утра. Шерсть его была длинная и мягкая. Потому что Альфред — самый толстый и ленивый кот на всей Арнольд-стрит, а может, и во всём Лондоне. Или даже в мире. Мама говорила, что ему стоит сесть на диету, а папа его ненавидел и при каждом удобном случае стрелял из водяного пистолета. Альфред был котом миссис Пападопулос и лучшим другом Тоби.

И не важно, о чём Тоби говорил: с Альфредом ничто не могло пойти неправильно. А если Тоби не хотел говорить, Альфред не настаивал. В этот раз Тоби не хотел говорить, так что они просто сидели, наслаждаясь тёплым сентябрьским солнцем, слушая миссис Пападопулос. Она открыла окно (то самое, которое починили Тоби и приглашённый рабочий), и оттуда доносилось её прекрасное пение. Тоби не понимал слов: они были на незнакомом языке. Через сад, в самом его конце, он наблюдал за людьми в многоквартирных домах. Странно, но обычно их не видно. С садом тоже творилось что-то странное. Он как будто стал пустым, голым. От этого вернулось ощущение дурного сна. Какая-то пустота. Везде была мелкая светлая пыль. На траве, на растениях, на садовой дорожке, в воздухе.

Альфред тоже почувал странное: он то и дело бросал долгие взгляды на точку в пространстве над газоном.

— В чём дело?

Альфред напряжённо поднялся и пошёл по траве к этой своей точке. Тоби не был уверен, но вроде бы видел, что там парит еле заметная тень. Может, показалось.

— Как думаешь, что это, Альфред?

Альфред какое-то время неподвижно смотрел туда, но потом вернулся к Тоби. А тот, потеряв интерес к тени, рассказал Альфреду про свой дурной сон и про всё, что сегодня пошло не так. Что папа сказал, будто сделать самолёт было глупостью, и что потом разозлился, когда Тоби пролил кофе. Что в школе, как всегда, всё плохо. Альфред слушал, и Тоби рассказал ему — в сто-миллионный раз — про роман, который папа писал всю жизнь. Про жестоких королей и коро-лев, про людей с невероятными способностями. Но Тоби добавил к ним историю о мальчике по имени Тоби и его белом коте Альфреде, ко-торым пришлось бежать от сил зла и спасти Бальтазар от тирании.

И тень плавала в воздухе над садом, будто тоже слушающая.

* * *

Папа вернулся домой.

— Где мама?

— На протесте.

— Разве она не должна была уже вернуться?

- Не глупи, пап. У протестов нет расписания.
- Что у нас поесть?

Папа подошёл к холодильнику, заглянул внутрь и закрыл его. Альфред за это время успел подкрасться и усесться за дверью холодильника. От неожиданности папа вскрикнул и подпрыгнул. Тоби засмеялся. Папа бросился на Альфреда, а тот рванул в сад.

Мама не вернулась к семи, и Тоби отправил ей сообщение. Папа приготовил им фасоль на тостах, и после ужина Тоби позвонил маме. Она не ответила. Он продолжал ей звонить, но, не добившись успеха к девяти часам, начал волноваться. Папа включил телевизор. В новостях показывали кадры с протеста. Часть протестующих навалилась на полицейских, и полицейские били их дубинками и пластиковыми щитами. У некоторых людей на лицах была кровь. Папа сказал, что они это заслужили. Тоби подумал, что его мама могла пострадать, и упрямил папу обзвонить ближайшие больницы. Ни в одну из них Хелен Портер не поступала.

Тоби уже давно пора было в постель, но он не мог уснуть, не зная, где мама и что с ней. Он лежал на диване, глядя на видео с протеста в новостях, его глаза слипались, он клевал носом. В полусне он видел, как маму топчут полицейские лошади... Тоби резко сел и выпрямился, широко открыв глаза, а потом распахнул окно и впустил прохладный ночной воздух, чтобы взбодриться.

Во всех квартирах за садом горели окна. И тут Тоби понял, что изменилось в саду. И это так его удивило, что он произнёс вслух:

— Бук исчез.

— Ммм? — промычал папа.

— Бук исчез из сада.

— Его спилили.

— Кто?

— Хирурги по деревьям. Пока ты был в школе.

— Но они же не могли так просто?..

— Мы их вызвали. Дерево болело. Его нужно было спилить.

— Но это было наше дерево, — расстроенно сказал Тоби.

Ещё не до конца разлепив глаза, Тоби высунул голову в окно, чтобы лучше видеть. Дерево исчезло. Оно оставило на своём месте осязаемую пустоту. А ещё светлую пыль и свежий пень. Вся лужайка была усыпана этой странной пылью. А в воздухе между ним и лужайкой висела тень, как раз там, куда днём смотрел Альфред. Теперь Тоби был уверен, что ему не показалось. Воздух там как будто сгустился. Казалось, к нему можно прикоснуться. За этим сгустком тьмы ничего было не видно. Тоби качнул головой в одну сторону, потом в другую и только убедился, что всё это ему не кажется. Он наклонил голову так, чтобы тьма оказалась между ним и пнём. И тьма полностью закрыла его собой.

Она двигалась.

Тень висела метрах в пяти от Тоби, медленно двигаясь прямо к нему. И в этом спокойствии, этой медлительности, этой тьме было что-то такое, что ему не понравилось. Он отшатнулся от окна. Угольно-чёрная тень приближалась со скоростью резвого слизня. У Тоби не оставалось сомнений, что, достигнув окна, тень потянется к нему, облепит его, вползёт в него. Окутает его внутренности своей тьмой. Их разделяло уже не больше двух метров. Тень будто состояла из папки. Мурашки пробежали по спине Тоби вверх и вниз. Он быстро шагнул вперёд и захлопнул окно.

— Не хлопай! — крикнул папа.

Тоби запер окно и отошёл

Зазвонил папин телефон.

В большом окне, выходявшем в сад, отражался Тоби, за ним его отец с открытым ноутбуком на коленях. Он говорил по телефону и ерошил свои тонкие растрёпанные волосы. За стеклом простирался тёмный сад, в квартирах напротив горели огни. Никакой парящей тьмы. Никакой тени.

— Тоби, — позвал папа.

Тоби ждал.

— Тоби, — позвал папа.

— Что? — прошептал Тоби, не в силах сдвинуться с места.

— Маму арестовали.

2

НА ПЛЯЖЕ МАРГИТА

Мама вернулась домой утром. Тоби подбежал к ней и крепко обнял, а потом отошёл на шаг и внимательно осмотрел. По телевизору показывали протестующих: неопрятных, с искажёнными лицами. Они кричали и вырывались, когда их тащили полицейские. Было невозможно поверить, что его очень спокойная мама, одетая так, как всегда одевалась на работу в регистратуру клиники, в белую рубашку и коричневые ботинки, джинсы и летнюю куртку, могла оказаться одной из них.

Она поставила на пол свой маленький красный рюкзак и застыла, как в ступоре. Тоби залез в него в поисках улик, но нашёл только рабочую юбку, пустой ланчбокс, бутылку воды, яблоко и термос. Мамины каштановые волосы, спускавшиеся

на плечи, были немного растрёпаны, и выглядела она рассеянной. А всё остальное — как обычно.

Мама проголодалась, поэтому родители спустились вниз. Папа, который забирал её из полицейского участка, сердито гремел посудой, готовя завтрак. Мама сидела за кухонным столом, положив голову на руки, и массировала виски.

— У тебя болит голова? — спросил Тоби.

— Немного.

Тоби сбегал за таблетками и налил в стакан воды. Пока мама пила, он взглядом поискал следы от наручников на её запястьях. Не нашёл. Но отметил, что ладони ярко-красные, как будто она тёрла их мочалкой.

— Так что случилось, мам?

— Чуть позже, Тоби.

Тоби сел. Альфред потёрся о мамину ногу, запрыгнул на колени к мальчику и вместе с ним ждал рассказа об аресте. Тоби ни разу не слышал, чтобы мама повышала голос, а тем более ссорилась с кем-то, кроме папы. Но даже во время ссор не было похоже, что мама злится: ссоры будто причиняли ей боль, и после них мама обычно плакала. Как у неё могли появиться проблемы с полицией?

— Что случилось, мам?

— Ш-ш-ш. Сначала я поем.

Итак, съев пару крутых яиц и тост, сжимая в своих маленьких преступных руках чашку жасминового чая, мама начала рассказывать.

Всё проходило в самом центре Лондона. Протест не был согласован, поэтому проблемы начались сразу. Собравшиеся выступали против расположенных в Сити компаний, которые вредят окружающей среде выбросами и мусором, против банков, которые дают этим компаниям деньги. Протестующие собирались пройти мимо башен офисных центров. Там несколько человек отделились от основной группы и приклеили себя к большим стеклянным дверям банка. И мама вместе с ними.

— Ох, да боже ж мой! — воскликнул тут папа.

Мама намазала ладони клеем и приклеилась ко входной двери. Никто не мог войти или выйти, пока мама не отодвинется. Марш ушёл дальше, и вскоре остались только те, кто приклеился к стеклу, и охранник, который оказался очень дружелюбным. Мама сказала, что он достал из её рюкзака бутылку и подносил к её рту, когда ей хотелось пить.

— Оказывается, его сын хорошо играет на пианино, — сказала мама. — Он в седьмом классе.

— Нам не интересен сын охранника, — отмахнулся папа.

— Ну, а мне интересен, Дэвид.

— Там были журналисты? — спросил папа.

— Репортёр и оператор с телевидения. И кто-то из газет.

— Ты не назвала им своего имени, я надеюсь?

— Мам, расскажи про арест!

К банку приехали полицейские специалисты с мыльной водой и химикатами и ещё пару часов отклеивали протестующих от банка. Они делали это медленно, чтобы не сорвать кожу с их ладоней.

— И они тебя арестовали? — спросил Тоби.

— М-м, ну, нет.

Полицейских специалистов вызвали из Уэльса специально, чтобы те помогли справиться со шквалом протестов в Лондоне, потому что сил лондонской полиции не хватало. К тому времени как эта группа отклеила всех протестующих, их смена уже почти кончилась. Им не хотелось тратить время на аресты и оформление нарушителей. У них были билеты в театр на «Отверженных», они очень не хотели опоздать, так что маме сделали предупреждение и отпустили.

— А, — только и сказал Тоби. Он был даже немного огорчён: ему начинала нравиться мысль, что его мама нарушительница закона.

— Тогда как ты оказалась в участке? — спросил папа.

— Я дошла до другого банка и приклеилась к нему.

— Опять? Ты что, новая Грета Гунберг?

Тоби не мог поверить, что его тихая, спокойная мама настолько целеустремлённа. Он был по-настоящему поражён и смотрел на маму с восхищением.

Столичные полицейские оказались не такими

добродушными, как валлийские. Когда они отклеили маму (причём грубо), они с большим удовольствием её арестовали. Маму погрузили в полицейскую машину, отвезли в участок и заперли в камере до утра. Утром её вывели из клетки, сообщили дату слушания в суде ипустили.

— Тебя посадят в тюрьму? — у Тоби ёкнуло сердце.

— Нет.

— Может быть, и да, — проворчал папа.

— Меня просто оштрафуют.

— Ты этого не знаешь, Хелен.

— Ты можешь хотя бы немного меня поддержать?

— Я только что устроился на работу в правительство, а ты нарушаешь закон на глазах журналистов. Ты нарочно ведёшь себя так глупо?

Мама осела на стуле так же, как Тоби, когда он получил плохую оценку по естествознанию.

— Дэвид, — прошептала она.

— Ой, простите, Ваше Высочество, — сказал папа. — Ты хотя бы подумала, чем твой арест может закончиться для нас?

Тоби закусил губу. Он считал, что быть арестованным за что-то, во что ты веришь, почётно, даже если ты в самом деле нарушил закон. Но он понимал, что сейчас не время говорить это вслух. Мама встала, подошла к стеклянным дверям и выглянула в сад. Роса блестела в бледном свете солнца.

— Всё будет хорошо, папа, — сказал Тоби.

— Да что ты знаешь про наши законы? — огрызнулся папа.

Альфред, до этого спокойно сидевший на коленях у Тоби, встал во весь рост, как будто услышав в папином голосе личное оскорбление, потянулся, спрыгнул на пол и подошёл к маме.

— Так не может продолжаться, Дэвид, — сказала мама.

— Что-что? — переспросил папа, бросая взгляд на кота и оглядываясь. Должно быть, в поисках водяного пистолета.

— Мы больше не можем это продолжать. Я уже не могу.

— Ну, в таком случае тебе стоит...

Папа не договорил: мама вскрикнула, распахнула дверь и вышла в сад.

— Бук, — сказала она. — Бук пропал.

— Его спилили, — пояснил Тоби.

— Но мы не давали согласия...

— Давали, — перебил папа.

— Нет, не давали.

Мама прошла по росе и мелкой пыли. Тоби только теперь понял, что это опилки. Мама встала около пня, Тоби и Альфред — рядом с ней. Они почти физически ощущали призрак дерева, нависшего над ними.

— Это дерево посадили, когда мне было три, — сказала мама.

— Мне жаль, мам, — сказал Тоби, не зная, что

ещё сказать. Он сжал её руку. Они втроём — мама, Тоби и Альфред — стояли и смотрели на оставшуюся от дерева пустоту.

* * *

Той ночью дурной сон вернулся. Тоби этого не хотел, но сон пришёл и будто сжал его когтями. Тоби попытался проснуться, но был слишком усталым. Он находился между сном и явью, одурманенный своей усталостью. Во сне Тоби бежал по горному лесу, по грязным тропинкам, усыпанным сосновыми иголками, а потом падал с огромной высоты, и это падение превращалось в спуск по каменным ступенькам в городе. А внизу лестницы — или колодца? — кто-то звал на помощь. Когда Тоби наконец очнулся ото сна, ему было так жарко, что он тут же сбросил одеяло. Футболка насквозь промокла от пота. Он стащил её, сполз с кровати, ещё не до конца проснувшись, и встал посреди комнаты, слегка покачиваясь. Ему не хотелось оставаться в постели вместе с дурным сном. А сон был ещё там. И тень, которая его породила. Чёрная, густая, как патока.

Под дверь просачивалась полоска тёплого света, и это успокаивало Тоби. Он вышел на лестницу. Снизу доносились голоса. Он подумал было спуститься к родителям, но не хотел, чтобы папа видел его напуганным. Тоби поёжился: пот высох,

и стало холодно. Он выудил из комода старую пижаму, которая была мала. Ему хотелось, чтобы мама пришла и спела что-нибудь, как в детстве. Ей нравились мюзиклы, а ему нравилось, как она поёт. И хотя пела она не так хорошо, как миссис Пападопулос, у неё был красивый голос. Прекрасные песни из «Волшебника страны Оз» и «Энни»: «Завтра», «На другом конце радуги» и «Мы идём к волшебнику». Тоби спустился на пол-этажа и услышал, что родители ссорились. Мама плакала.

* * *

На выходных Тоби с папой поехали в Маргит. К маме приезжала погостить университетская подруга, которую папа терпеть не мог, поэтому он и решил уехать и переночевать в отеле. Тоби не ожидал, что папа возьмёт его: папа редко ездил в командировки и никогда не брал Тоби с собой, даже если тот очень просил. Тоби был вдвойне рад, потому что из-за дурных снов он не чувствовал себя в безопасности дома. Хотя он и не видел тень с тех пор, как захлопнул перед ней окно и убедил себя, что это был просто обман зрения, ему не хотелось оставаться дома в одиночестве. Каждое утро он просыпался с дурным предчувствием, уверенный, что рядом есть ещё кто-то.

В Маргите была песчаная бухта, окружённая крутыми утёсами. Тоби хотел поплескаться в море

и посмотреть на железную дорогу с паровозами, до которой можно было доехать на машине. Но по пляжу немилосердно хлестал дождь такой сильный, что даже самые заядлые купальщики предпочитали сидеть дома. А железная дорога оказалась закрыта на ремонт.

Отель, в котором папа снял комнату, оказался очень неухоженным. Едва они заселились туда, папа сразу сел за стол у окна, достал ноутбук и начал печатать.

— Я думал, мы куда-нибудь сходим, — сказал Тоби.

— Что это, по-твоему? — папа ткнул пальцем в окно.

— Небо?

— Нет.

— Тогда море?

— Нет. Дождь.

— Нет, это просто небо, а по нему летают чайки.

— И дождь.

Тоби вздохнул и рухнул на кровать. Пружины скрипнули.

— Шшшш! — прошипел папа. — Я пытаюсь писать.

— Ты пишешь свой роман?

Папа не ответил.

— Миссис Пападопулос говорит, что ты станешь счастливее, когда наконец допишешь его.

Папа прекратил печатать, поднял голову и уставился в окно, как будто ему только что пришла в голову самая потрясающая идея в истории идей.

— Папа, у тебя новая идея про Бальтазар?

Папа медленно повернулся на стуле.

— Можешь сказать миссис Пи, чтобы она занималась своими операми, или я засуну её мнение ей в арию.

— А, ну ладно, ну как хочешь, какое мне дело. Чем займёмся?

— Я буду писать, — папа развернулся обратно к экрану. — Ты можешь погулять по отелю или заняться чем-нибудь ещё.

— Чем-нибудь ещё, — пробормотал Тоби себе под нос. — Ну давай куда-нибудь ходим, ну паааап.

— Уйди, Тоби!

— Она права, — Тоби встал с кровати и сказал так же громко, как папа. — Ты трудный человек.

Папа как будто впервые заметил его.

— Сядь, Тоби, — сказал он, указывая на кровать.

Тоби плюхнулся на древнюю кровать с древним пружинящим матрасом. Он был немного напуган, потому что знал, что сейчас ему влетит.

— Послушай, — сказал папа, — я хотел сказать тебе потом, но почему бы и не сейчас. Мы с твоей мамой разводимся.

Папа положил одну руку на спинку стула. У него за спиной простиралось серое небо, в котором

птицы то зависали, то пикировали, показывая друг другу фигуры высшего пилотажа. Они напомнили Тоби детей на скейтбордной площадке.

— Так что пока мы не продадим дом, — продолжил папа, — вам с мамой придётся съехать.

— Что? — переспросил Тоби.

Папа сердито нахмурился и повторил сказанное слово в слово.

— Почему я не могу остаться дома с тобой?

— Потому, что ты едешь с мамой.

— Но я хочу остаться с тобой.

— Нет, не выйдет. Мы это обсудили, и ты едешь с мамой.

— Но это же нечестно!

— Жизнь вообще нечестная, Тоби.

— Вы меня даже не спросили!

Папа страдальчески вздохнул и покачал головой, будто бы говоря кому-то невидимому: «Видишь, с чем мне приходится иметь дело?»

— Что поделать, так уж сложилось, Тобс, — папа говорил медленно, будто бы с полным дурачком.

Чайки носились и крутились в небе.

— Что будет с Альфредом?

— Ну, он уедет с миссис Пападопулос. Мне-то он на кой... Мне этот кот не нужен.

— А.

Повисло молчание.

— Ясно? — спросил папа.

Тоби смотрел на узоры на ковре.

— Ясно?

Тоби плохо видел папу на фоне яркого неба. Наконец папа отвернулся к компьютеру и застучал по клавишам.

Тоби ещё немного посидел. И встал.

— Я пойду прогуляюсь.

— М-м? — папа смотрел в экран.

— Я пойду прогуляюсь.

— А, ладно, Тобс. Тебе нужны деньги?

— Нет.

— На, возьми денег, — папа выудил кошелёк из куртки и протянул Тоби десятифунтовую купюру. — Сходи на аттракционы.

Тоби взял купюру и вышел из комнаты, сжимая её в кулаке.

Он немного побродил по коридорам, покругил по банкетному залу, пятнистому от влаги, заглянул в зал с башенками из стульев, пооткрывал ящики в общей гостиной. Там были коврики и свечи. Тоби направился вниз и вышел через вращающуюся дверь. Куртка тут же раздулась от ветра, словно парашют, и промокла от дождя. Тоби спустился на берег и отправился бродить по бескрайнему пляжу Маргита.

Он решил, что тень, вторгшаяся в его жизнь, принесла беду.

Тоби обошёл стороной парк развлечений (на его вывеске красовалась надпись «Страна Мечты», будто бы развлечения тут были превосходными) и спрятался от дождя под навесом.

Он не хотел садиться, потому что мокрые джинсы липли к ногам и сгибать колени было неприятно.

— Всё окей, шеф, — сказал кто-то.

Тоби повернулся на голос и увидел немолодого мужчину в рабочем комбинезоне, с седыми волосами и с серебристой щетиной на щеках, в уголке рта торчала самокрутка.

За спиной у мужчины возвышалось проволочное ограждение с бетонными блоками вместо ножек. На ограждении висела холщовая ткань, так что нельзя было рассмотреть, что происходит за ней.

— Что вы чините? — Тоби кивнул на ограждение.

— Вселенную, — подмигнул мужчина.

Тоби потребовалось время, чтобы понять, что имел в виду рабочий. Где-то примерно полминуты. Он смотрел на мужчину. А потом до него дошло, что незнакомец пытается шутить. Тоби внезапно надоело, что все вокруг такие саркастичные. Поэтому он вышел из-под навеса под яростный ветер и, проходя мимо рабочего, крикнул:

— Заткнись, ты, идиот!

3

ЭНДЖЕЛ-ЛЕЙН

Утром, когда Тоби и мама должны были уехать из дома насовсем, он зашёл к миссис Пападопулос попрощаться и не заметил — да и она тоже — тень, которая поднялась за ним и повисла под потолком. Зато Альфред заметил её и начал хмуро разглядывать.

У миссис Пападопулос в глазах стояли слёзы. Она обняла Тоби и спела ему на ухо песенку «Завтра» из мюзикла «Энни».

— Присмотри за мамой, — сказала она.

Тоби кивнул, давясь слезами. Он поднял кота и зарылся лицом в его длинную мягкую шерсть.

— Пока, Альфред, — Тоби сумел не расплакаться.

Спускаясь вниз, он не заметил ни летящую за ним тень, ни идущего следом Альфреда.

Папа сидел за столом и писал про Бальтазар. Тоби встал в дверях, замешкавшись. Тень за его спиной спустилась ниже, Альфред спустился за ней.

— Не задерживайся, Тобс, — сказал папа. — Твоя мама хочет поскорее уехать.

Тоби не мог заставить себя войти в кабинет и обнять папу, но и заставить себя уйти тоже не мог.

— Послушай, Тобс, — сказал папа, поворачиваясь на своём капитанском кресле. — Чем скорее ты поймёшь, что ничего в этом мире не складывается к лучшему, тем лучше.

Тоби ждал, что папа скажет что-нибудь ещё. Подойдёт и обнимет его. Но папа вздохнул и повернулся обратно к ноутбуку. Тоби сделал шаг вперёд, чтобы спросить, может ли он остаться на Арнольд-стрит, пока дом не будет продан. И когда он уже открыл рот, папа шумно втянул воздух, выпрямился в кресле и сказал:

— Ладно, Тобс, не задерживайся. Твоя мама хочет ехать.

По дороге к лестнице Тоби провёл пальцем по шраму на комодe, который он случайно оставил пару лет назад зубилом со своего пояса с инструментами. Шрам светился в лучах утреннего солнца.

Выйдя наружу, Тоби посмотрел в окно кабинета. Отца не было видно, но он надеялся, что тень не причинит ему вреда. Мальчик так

внимательно смотрел в окно, что не заметил, как эта самая тень проскользнула через входную дверь, проплыла по дорожке и втянулась в багажник, притаившись среди коробок. И Альфреда он тоже не заметил. Кот вышел за тенью и сел на тротуаре, глядя на багажник.

Альфред был котом крайне любопытным и расположенным к путешествиям. Он часто посещал разные страны с миссис Пападопулос, и чаще всего Грецию. На международных рейсах он сидел в удобной кошачьей переноске, а по Лондону ездил в просторной кожаной сумке своей хозяйки, высунув голову наружу и глядя по сторонам. Иногда даже забирался в рюкзак Тоби, где тот его обнаруживал, уже придя в школу. Если бы мысли мальчика не были заняты исключительно отъездом, он бы проверил, что Альфред заперт дома и никуда не денется. Но он не мог думать ни о чём, кроме отъезда, а потому не видел, как Альфред грациозно запрыгнул в багажник вслед за тенью и устроился в складках одеяла.

* * *

Лето ещё не сдавалось. Они мчались по дороге мимо короткой выжженной травы и утомлённых деревьев, а солнце немилосердно жарило сквозь лобовое стекло. Под щёлканье поворотника они въехали на развязку.

— Ох, — сказала мама через несколько минут. Её взгляд метался между приборной панелью, телефоном и дорогой. Она нажимала кнопки.

— Осторожней, мам.

— Столько народу... — мама затормозила и вгляделась вперёд. — Я... э-э-э, я не узнаю это место.

— Лучше найди, где встать.

Мама остановилась у обочины.

— Мам, здесь нельзя останавливаться.

Машина сзади объехала их, истошно сигналила.

Тоби проверил телефон: потрясающе, нет связи. Снова раздался гудок: их обогнул тёмный силуэт, за ним другой. Водитель проезжавшего мимо грузовика опустил стекло и что-то крикнул.

Мама тоже опустила стекло.

— Пошёл ты! — крикнула она.

Тоби смотрел на маму в недоумении. Он никогда не видел, чтобы она выходила из себя. Вообще никогда.

Впереди около съезда был знак. Тоби выскочил из машины и побежал к нему.

— Тоби! — донёсся сзади мамин панический вопль.

На знаке было написано:

ЭНДЖЕЛЛЕЙН
Частная территория

Когда он развернулся, чтобы идти назад в машину, то увидел в дальнем конце пыльной улицы

рабочих. Они кирками и лопатами рыли землю, а один закрывал участок дороги красно-белыми загородками. Он был старше остальных, седоволосый и с сигаретой в зубах. Тоби видел, как дымок от неё змеится вверх. Не может быть. Разумеется, нет. Это не мог быть тот же рабочий, которого Тоби видел в Лондоне и Маргите.

— Тоби! — мама стояла рядом с машиной.

Тоби вернулся к ней, они сели обратно.

— Пожалуйста, Тоби, больше так не делай.

— Я хотел посмотреть, где мы. Энджел-лейн.

Включи аварийку, мам, здесь нельзя останавливаться.

— Я думала, ты хочешь сбежать.

— Мам, мне тринадцать, куда я побегу? У тебя есть карта?

— Я... эм... э-э-э...

— Ты клала её в сумку.

Она покопалась в сумке и нашла карту, но, кажется, не смогла прочитать. Тоби взял её и взгляделся:

— Окей, нам сюда.

Рядом кто-то истошно сигналил. Мама смотрела в никуда.

— Мама!

Её подбородок задрожал, и Тоби понял, что мама вот-вот заплачет.

— Всё в порядке, мам, — сказал он тихо. — Мы почти приехали. Ты нас довезла.

Мама, казалось, не сразу поняла смысл слов

Тоби. Она всхлипнула. Тоби взял её за руку. Под мамиными глазами он заметил зеленовато-синие круги.

— Ты нас довезла, — мягко повторил Тоби.

Она точно была готова заплакать.

— Мам, не плачь! Не сейчас! Мы почти приехали.

Мама улыбнулась, достала из сумки промокшие салфетки и высморкалась. Когда они проезжали Энджел-лейн, Тоби смотрел туда и думал, что либо для дорожных работ нанимают старых седых курильщиков, либо творится что-то странное.

* * *

Пока Тоби и мама вдвоём затаскивали большой ящик по лестнице в свою новую квартиру, тень выскользнула из багажника. Вскоре Альфред тоже выпрыгнул и отправился за тенью, которая скрылась за мусорными контейнерами.

В новой квартире стояла полутьма. Свет в коридоре не работал, у ламп не было абажуров, и светили они тускло. Даже безжалостно палящее солнце не могло развеять этот сумрак. Мебель горчичного цвета и коричневые ковры только добавляли мрачности. Воздух здесь был затхлым, а на кухне стоял тяжёлый дух плесени.

Комната Тоби оказалась в дальнем конце квартиры. На полу лежал жёсткий зелёный ковёр, на подоконнике валялась дохлая муха,